

С. Г. Рункевич

Письма аскета Стефан Григорьевич Рункевич

Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанинова с С. Д. Нечаевым.

Верстах в 20 от Петербурга, по балтийской дороге, в живописной местности на берегу моря расположена одна из замечательных наших обителей – Сергиева пустынь.

По великолепию зданий, по числу братии, по строгому монастырскому чину и вообще по внешнему и внутреннему благоустройству Сергиева пустынь считается в настоящее время в ряду первостепенных монастырей. Однако это было не всегда.

Прекрасная репутация пустыни установилась за нею не очень давно. Основанная в 1734 году, пустынь, состоявшая под управлением викарных епископов петербургской митрополии и никогда не имевшая своих настоятелей, через сто лет после своего основания пришла в большое запустение. В начале тридцатых годов нашего столетия Сергиева пустынь имела только тринадцать человек монашествующей братии. Здания были запущены; церковь представляла собою годными к дальнейшему существованию одни стены; настоятельский корпус в полном разрушении. Не было никакого порядка ни внешнего, ни внутреннего. Незначительное число братии жило без мира между собою и далеко не являло в своей среде примера благочестивой жизни. Своим нынешним процветанием пустынь более всего обязана назначенному в 1833 году по Высочайшему изволению ее настоятелем, прославившемуся впоследствии среди высшего монашества богослову-аскету, архимандриту Игнатию Брянчанинову.

Архимандрит Игнатий, в мире Дмитрий Александрович Брянчанинов, родился 6 февраля 1807 года в селе Покровском, грязовецкого уезда, вологодской губернии. Его отец, паж Павлова века, принадлежавший к старой дворянской фамилии, унаследовал от своего отца большое состояние и большие долги. Покончив с последними, он не имел возможности оставаться в столице и принужден был удовольствоваться долею помещика, все еще состоятельного: у него оставалось чистых от долгов до 400 душ. Болезненный мальчик, родившийся поздно, рос без сверстников, не по возрасту серьезный, задумчивый, впечатлительный. Ему в раннем детстве пришлось ознакомиться с книгами Христова завета

и житиями святых, и его впечатлительное, чистое, кроткое сердце нашло здесь для себя богатую пищу: молитва стала для него лучшим утешением, радостью, и в детские еще годы он испытал сладость молитвенных слез. Шестнадцати лет он был привезен в Петербург для определения в инженерное училище, и по конкурсу ста тридцати человек на тридцать вакансий поступил первым. Прекрасные его успехи и представительная наружность обратили на него внимание будущего императора России Николая Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором инженеров. Великий князь пригласил Брянчанинова в свой Аничковский дворец и представил его своей супруге великой княгине Александре Феодоровне, которая приказала зачислить молодого инженера ее пенсионером. Блистательно прошедши юнкерские классы училища, Брянчанинов в 1824 году переведен был в нижний офицерский класс, что ныне Николаевская инженерная академия, и 13 декабря этого года получил первый офицерский чин инженер-прапорщика.

Наряду с успехами в учении Брянчанинов оказывал выдающиеся успехи и в светском обществе. Родственные связи ввели его в дом президента академии художеств и члена государственного совета Алексея Николаевича Оленина, у которого на литературных вечерах собиралось все лучшее общество и между прочим бывали Пушкин, Крылов, Батюшков, Гнедич. И среди таких лиц Брянчанинов оказался любимым чтецом, а его поэтические и литературные дарования приобрели ему внимание знаменитостей того времени.

А рядом со всем этим развивалась все более и более иная, внутренняя жизнь. «Вступил я в военную и вместе ученую службу», – пишет о себе Игнатий в своем «Плаче», – «не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее. Науки человеческие, изобретение падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания; к ним я устремился всеми силами души. Неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных, родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни. И точно – это было томление души, удалившейся от источника жизни своей – Бога. Вспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом

льются из очей...»

«В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу: оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать, сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого; я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных¹...

Каждую субботу и воскресенье Брянчанинов стал ходить к инокам валаамского подворья исповедаться и причащаться Св. Тайн. Валаамские иноки были люди благочестивые, но простые, склонные более к внешнему подвигу, чем к внутреннему благочестию. Они не могли удовлетворить образованного искателя подвига. Но в то время в Александро-Невской лавре жили некоторые ученики известных в свое время старцев Феодора и Леонида, опытных в духовной жизни мужей, слышавших наставление известного молдавского старца Паисия Величковского и его ближайших учеников: монахи Аарон, Харитон, Иоанникий, духовник о. Афанасий. К ним и обратился Брянчанинов.

Духовным стремлениям юноши суждено было выдержать испытание. Отец, не допуская и мысли о несветской карьере своего сына, узнав о его посещениях монахов, написал горячее письмо начальнику училища графу Сиверсу, своему прежнему товарищу в пажах, и достиг того, что Брянчанинову воспрещено было посещение лавры. И только личная беседа с благостным тогдашним петербургским владыкою, митрополитом Серафимом, снова открыла юноше двери монашеских келий.

В 1826 году прибыл в Петербург и остановился в лавре упомянутый уже нами старец Леонид. Нечего и говорить, что молодой Брянчанинов поспешил свидеться со старцем. Беседа с ним решила участь Брянчанинова: он бесповоротно решил оставить военную службу и идти в монастырь. Летом он съездил домой и старался всеми способами подготовить к перемене своей судьбы своих родителей, но не успел в этом нисколько. Опечаленный, он однако не изменил своих намерений, помня слова Спасителя: «иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин » (Матф. 10:37). Выдержав последний экзамен в декабре, по-

прежнему первым, он подал в отставку.

Но здесь началось в жизни Брянчанинова нечто необычайное, величественное, напоминающее древние времена христианства.

Государь император Николай Павлович, узнав о поданной Брянчаниновым просьбе, поручил своему августейшему брату, генерал-инспектору инженеров, великому князю Михаилу Павловичу отговорить всеми любимого инженера от его намерения. Брянчанинов был призван во дворец к великому князю, и когда несмотря ни на ласку, ни на строгость великого князя остался тверд в своем намерении, получил объявление Высочайшей Его Императорского Величества воли в двадцать четыре часа выехать из Петербурга к месту эту же волей определенного ему служения в Динабург.

Пути Божии неисповедимы, но благостны. Покорный воле царя, Брянчанинов отправился в Динабург руководить производством различных построек и земляных работ в крепости. Свою наболевшую душу он облегчал только перепиской со старцем Леонидом. Слабый здоровьем, Брянчанинов не мог выносить отправления своих трудных обязанностей и почти непрерывно был болен. Осенью 1827 года Динабург посетил великий князь Михаил Павлович. Убедившись в неизлечимом томлении и нездоровье Брянчанинова, он согласился, наконец, принять его отставку.

Началась новая жизнь. В одежде простолюдина прибыл инженер-поручик в Петербург, чтобы не медля отправиться отсюда в Александров-Свирский монастырь к пребывавшему там старцу Леониду. В монастыре Брянчанинову определено было первое послушание служить на поварне. Поваром был бывший крепостной человек его отца. Этот человек в первый же день послал Брянчанинова за мукою в амбар и бросил ему мешок, обдавший его всего белою пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, когда он растянул мешок обеими руками и по приказанию повара перехватил его зубами, чтобы удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: полное забвение своего я в монашеском смирении так усладило его тогда, что он во всю жизнь поминал этот случай.

Через год, вместе с о. Леонидом, Брянчанинов переселился в Площанскую пустынь, Орловской епархии. Строитель этой пустыни, однако, скоро разошелся с о. Леонидом и распорядился выселить его из монастыря с его учениками, предоставив им отправляться куда угодно. Получив собранных монахами в складчину пять рублей на дорогу, Брянчанинов, вместе с другим своим сотоварищем по

училищу и подвижничеству Чихачовым, отправился сначала в Белобережскую пустынь и, не принятый здесь, перешел в Оптину, где поселился о. Леонид. Недолго пробыв и там, он зиму 1829 года провел у отца, а в феврале 1830 года снова отправился в монастырь Кирилло-Новозерский. Сырой климат был причиной тяжелой непрерывной болезни Брянчанинова в этом монастыре. Он должен был снова переселиться к отцу. Отсюда, оправившись, перешел в Семигородную пустынь, затем в феврале 1831 года в более уединенный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и был зачислен в послушники вологодским преосвященным Стефаном, узнавшим и полюбившим его. 28 июля 1831 года преосвященный Стефан постриг Брянчанинова в монахи, а в самом начале следующего года назначил его строителем Пельшемского Лопотова монастыря, посвятив предварительно в иеромонашеский сан. 28 мая 1833 года иеромонах Игнатий возведен был в сан игумена.

Испытание оканчивались, начиналось избрание. Государь вспомнил о своем бывшем воспитаннике и пожелал его видеть. Аудиенция состоялась. Государь в заключении своей беседы сказал Игнатию: «Ты мне нравишься, как и прежде. Ты у меня в долгу за воспитание и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить у меня там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь: на нем и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем государь повел Игнатия на половину государыни. Государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пенсионеру и подвела к его благословию всех августейших своих детей. Немедленно был приглашен обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев, и Высочайшая воля получила должное исполнение: Сергиева пустынь была изъята из-под управления петербургского викарного епископа и передана новому настоятелю, который 1 января 1834 года в Казанском соборе был посвящен в архимандрита².

Завязавшееся во дворце государя знакомство между архимандритом Игнатием и Стефаном Дмитриевичем Нечаевым продолжалось долгие годы. Отзвуком этого знакомства и является печатаемая ниже переписка. Хотя письма архимандрита Игнатия адресованы одному лицу и имеют вид частной переписки, но они не имеют характера узколичного, и по богатству внутреннего своего содержания применимы ко всем людям в различных обстоятельствах их жизни: такова сила таланта и духовной мудрости их автора. Обстоятельства жизни, добрый характер и особенная душевная настроенность С.Д. Нечаева, не чуждого отчасти мистицизма,

нуждались в духовном утешении, наставлении, совете; а великая духовная опытность сергиевского архимандрита шла навстречу этой потребности.

Всех писем архимандрита Игнатия к С.Д. Нечаеву сохранилось в бумагах последнего тридцать одно. Они тщательно и бережно извлечены из домашнего архива сыном покойного Стефана Дмитриевича Дмитрием Стефановичем Нечаевым и предоставляются страницам «Христианского чтения» в надежде, что так же высоко будут оценены и читателями почтенного академического журнала эти плоды духовной мудрости, как они оценены уже многими лицами, ознакомившимися с ними по рукописи.

Первое письмо относится к 1834 году, писано 17 октября.

Ваше превосходительство, милостивейший государь, Стефан Дмитриевич!

Ждали мы вас в столицу, – дождались неприятной вести о вашей болезни. Таков обычай верховного Царя Царей: Он, *их же любит, наказует, биет же всякого сына, его же приемлет.*

Теснясь в пределах человеческого суждения, помышлял я, что вы здесь очень нужны; но *ин суд Божий и ин человеческий.* Хотелось бы мне вас видеть опять в вашем доме, окруженного семейством, радостного, довольного, но Господь, утверждающий нашу к Нему любовь злоключениями, попустил рассыпаться вам в разные стороны, как зернам пшеницы.

Вспомните, почтеннейший мой благодетель, что Законоположник наш претерпел крест, и последователям и слугам Своим предвозвестил: *в мире скорби будете!* – Отчего же скорби? Оттого, что *мир вас возненавидит,* и самый *Отец Мой всякую розгу творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет.* Итак, благодумствуйте посреди волнения, предайте себя воле Божией, с радостью и благодарением переносите болезнь, ведая, что телесными болезнями исцеляется душа. Повторяйте почаще сию молитву: *Господи, буди воля Твоя!* Она кратка, но заключает в себе обширный смысл и весьма сильно действует к успокоению человека, находящегося в печали. Сие узнал я отчасти на собственном опыте. Но зачем ссылаюсь на ничтожный опыт, когда Сам Спаситель мира произносил сию священную молитву в вертограде, и сею молитвою преграждал прошения, исторгаемые немощью человечества.

Не могу и я похвастать своим здоровьем. Пред отъездом вашим захворал, по отъезде очень расхворался, был болен в продолжение всего лета, и теперь дохварываю.

Надеюсь на милость Божию, ожидаю того приятного часа, в который

вас увижу лицом к лицу. Господь да возвратит вам доброе здоровье, дабы, обилуя и телесными силами, и всяким довольством, преизобиловали во всякое дело благое о Христе Иисусе Господе нашем, – и вообще для Церкви, и в частности для истинных ее членов.

С искренним почтением и преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

В письме от 26 марта 1835 года архимандрит Игнатий просил оказать покровительство подателю письма, «честному и благонамеренному монаху Серафиму», желавшему поступить в Сергиеву пустынь. При записке от 1 апреля было представлено «для цензуры и для доставления ее превосходительству» какое-то письмо. Записка заключена словами: «Желаю вам встретить радостно пресветлый праздник, в который надеюсь лично вам сказать *Христос воскрес!*» От 26 мая архимандрит написал две строчки: «Аще Господь восхощет и жив буду, постараюсь явиться к вам 27 числа». 30 мая он писал:

Ваше превосходительство!

В понедельник не смел уже я беспокоить вас, предполагая, что вы довольно утомились от понесенных трудов утром. Гостит у меня Василий Федорович г. Ян³, – но мыслями мы весьма с ним не сходимся. По всему видно, что он занимается **внутреннею молитвою**. Она молитва есть высочайший, труднейший и многоскорбнейший подвиг, требующий и полного самоотвержения, и правильности мыслей. В противном случае – отец лжи, приемлющий вид ангела светлого, приближается к сердцу с **притворным улаждением**, которое ощутив человек и почитая оное благодатью божественною, утверждает в своей прелести и начинает показывать ее плоды с некоторыми признаками как бы сумасшествия. Для такового, говорит св. Иоанн Лествичник, крайне нужна Божия помощь: ибо человеками таковой не излечим. И подлинно, согласится ли принять духовный совет от ближнего тот, кто думает (если и не говорит сего), что благодать его наставница? Натурально ли, чтоб сознался в невежестве, в прелести тот, кто думает, что он все видит ясно и здраво и в душе своей ощущает горнее утешение? Нахожу я положение г. Яна крайне опасным, ибо он жнет уже плоды своего подвига неправильного: видна в нем задумчивость и часто трёт свои ребра с болезненным выражением на лице. Те части, к коим прикасается враг, когда человек привлекает его к себе, суть ребра; благодатное действие ощущается в горних частях персей. Чтение г. Яна составляют Фома Кемпский, Арнт (за коих он стоит горю), а о писателях святых

вовсе и понятия не имеет. Чтоб ему оказать помощь, непременно нужно его перевести от первых кладезей ко вторым. Я вижу, что мои хлопоты будут безуспешны; он очень противостоит, и мое состояние находит весьма опасным, что справедливо по моей грешной жизни, а не по мыслям, заимствованным от св. отцов. Ваше к нему расположение может быть подействует сильнее: ибо он опытами убежден, что вы ищете его пользы. А мне лучше не входить с ним ни в какие суждения, в кои вошел я единственно по приверженности моей к вам. Довольно, предовольно, если буду взирать на грехи свои, стремиться к покаянию и плачу, и на сию спасительную ниву изгонять вверенное мне стадо жезлом примера и учения. Вот мое видение, вот мое наслаждение, – наследство праотца моего Адама, поискавшего наслаждения в плаче после утраты сладостей райских. Если **удел наш в сей жизни** болеть о себе, и тем более утешаться, чем в большей мере сия болезнь, то едва ли останется время соболеть. И не осталось бы, говорит св. Макарий, если бы милосердый Бог не выводил нас из внутренней клетки нашей для пользы ближнего.

Простите, что худо писал: глаза очень слабы. Желая вам всех благ от руки Создательной и всему вашему семейству благословения.

С искреннейшею преданностью и почтением честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем
Архимандрит Игнатий.

1 июня к С.Д. Нечаеву отправлялся В.Ф. Ян. О. Игнатий, пересылая с ним составленное им житие св. Владимира равноапостольного⁴, писал:

«Изготавливая оное, имел я ввиду единственно изготовить по вашей цели. Другие предлагали мне другое. Почему прошу вас взглянуть на оное. За вашим ответом явлюсь, Бог даст, лично сам, и если вы утвердите порядок и образ составления, то не замедлю представлять точно так же и прочие в сем виде заготовленные жизнеописание».

«Василию Федоровичу понравилось, кажется, монастырское жительство. Ваша искренняя любовь и христианское попечение могут убедить его, дабы он некоторые свои идеи, возвышающиеся на Разум Христов, преклонил пред оным Разумом необъемлемым. Что касается до внешних предметов, то беседу его нахожу весьма приятною: видно, что он проводил внимательнейшую жизнь и накопил много опытности. Но духовные начала у нее совершенно различные. Сия разница не могла произвести духа единения, единения уст, единения сердца, но не помешала мне весьма полюбить его, как кроткого и благоразумного человека».

На следующий день, 2 июня, архимандрит Игнатий писал:

«Вчерашнего дня очень желалось мне быть у вас, дабы проститься с вами и с семейством вашим; но лихорадка, довольно упрямая, не позволяет мне выходить из комнаты. Сделайте одолжение, известите меня, когда вы намерены отправиться из Петербурга и когда могу к вам явиться, не помешав сборам и не умножив суетливости, со сборами неразлучной.

Моего доброты покорнейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий».

Письмо 26 августа:

Ваше превосходительство!

Когда был я у вас, то много мы беседовали о **кресте Господнем**, который поистине есть иго благое и бремя легкое. Приехав в обитель, я получил подарок: 14-го числа, пред утренею, видел сон: как будто хочу подать нищим милостыню и для сего вынимаю из своего кармана кошелек, из коего вдруг выскочил мне на ладонь ярко светящийся золотой крест. В тот же день я занемог, а 16-го слег в постель; приключилась горячка; семь дней не принимал никакой пищи; теперь хотя и получше, но очень слаб. С того времени, как я в Петербурге, не проводил я дней моих с такою приятностью, как сии дни болезни. Точно крест Господень есть иго благое и бремя легкое, а со Иисусом и на Голгофе рай.

Представил я житие великого князя Владимира. Было ли оно в Синоде? Одобрено ли? Можно ли по сему образцу представить и некоторые другие жития, уже приготовленные? – Потрудитесь сообщить мне наставление ваше по сему предмету чрез о. Михаила.

Простите! Дай, Господи, вам всего доброго.

От 12 ноября архимандрит Игнатий прислал С.Д. Нечаеву корректурные листы жития св. Владимира равноапостольного при записочке, которую заключал словами: «Будьте здоровы! Будьте радостны! Будьте богоугодны! Ей так. О сем усердно Господа молитесь».

От 12 декабря о. Игнатий прислал письмо с ходатайством за послушника Соловецкого монастыря Алексея Погодина, который, получив от своего епархиального начальства двухмесячный отпуск, дожидался паспорта в Воронеж. «В ожидании решения, писал о. Игнатий, юноша пришел ко мне в обитель, она ему понравилась, понравился и он мне, почему, обретши покой, отложил намерение искать покоя и решился остаться в Сергиевой пустыни, если Богу будет угодно». О. Игнатий просил вернуть прошение Погодина о выдаче паспорта, и замолвить слово митрополиту об определении соловецкого послушника в пустынь.

В записочке от 24 декабря о. Игнатий извиняется, что не мог явиться к

С.Д. Нечаеву, будучи занят церковною службой, выражает готовность «служить обедню в церкви ее сиятельства во вторник, в назначенный день и час», и поздравляет с наступающим праздником.

24 февраля 1836 года С.Д. Нечаев получил Высочайшее соизволение на четырехмесячный отпуск⁵ и собирался в Москву. Архимандрит Игнатий в записке от 25 февраля 1836 года писал ему: «Один приезжий мой родственник подарил мне две бутылки водки домашней, очень хорошей. Я вспомнил о своем путешественнике, которому в дороге, при сырой погоде, они очень могут пригодиться. Почему, к вам их присылая, усердно прошу во здравие кушать и вспоминать – того, кто их прислал».

Несколько времени спустя, без пометы числом, но во всяком случае не позднее весны 1836 года о. Игнатий писал С.Д. Нечаеву в Москву из Петербурга, из кабинета Ивана Якимовича Мальцова, что приехал в Петербург некий доктор Гессе, изгоняющий очень успешно солитера посредством какой-то микстуры, пропорция которой изготовляется для каждого пациента различно, смотря по телосложению и «прочим обстоятельствам».

1836 год внес большие перемены в жизни С.Д. Нечаева. 25 июня обер-прокурором Св. Синода назначен граф Н.А. Протасов, а С.Д. Нечаев получил чин тайного советника и остался, в звании сенатора, навсегда уже в Москве. Проживая в своем доме близ Девичья поля, он свои досуги посвятил делам благотворительности, и состоял до конца своих дней сменно президентом московского комитета о просящих милостыни. Переписка с архимандритом Игнатием, по-видимому, прекратилась и была снова возобновлена лишь года через три. Ближайшее письмо о. Игнатия, из сохранившихся в бумагах О.Д. Нечаева, помечено 20 октября 1839 года.

Вот оно:

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Какое живое, вместе тихое, духовное утешение пролилось в мое сердце, когда принял я в руки поданный пакет с надписью вашей руки, – тем более, когда начал я чтение слов, дышащих любовью. Точно, – любовь николиже отпадает.

Вот! Вы попечитель **нищих**, часто богатых верою и переходящих с гноища на лоно Авраамово. В лице сей меньшей братии Христовой, Сам Христос приемлет ваши попечения и ваше служение, точно так, как принял бы Он и в лице служителей церковных. Наружность не так блестящая, сущность та же. О! сколько есть служений славных, приманивающих честолюбие, занимающих и воспламеняющих воображение: но конец венчает дело. Приходит **смерть**, призывает к

жизни без призраков; на это приглашение, как бы оно горько ни было, никто не может сделать отказа. Идут цари, не свершив огромных предположенных планов, от исполнения которых могли бы благоденствовать миллионы народа; идут гении, покинув начатое для удивления потомства; идут законодатели, не «достроив законодательных сводов; в одно мгновение отлагаются знаки отличия громкие титулы, на приобретение коих употреблена вся жизнь. Богатые верою, напротив, становятся еще богаче: ибо смертью вступают в существенное обладание тем, чем до смерти обладали только верою. Вам, так как и себе, почтеннейший Стефан Дмитриевич, желаю в Бога богатеть.

Вы желаете иметь **портрет** мой? Ваш портрет имею, получив оный из рук ваших; имею портрет души вашей в памяти, в сердце. Мое грешное лицо не достойно быть изображенным кистью художника. Вместо этой кисти, пусть могильный червь точит глаза, осквернившиеся страстным зрением; пусть точит уста, отверзавшиеся для слов, коими прогневляется Бог; пусть точит все члены, бывшие орудием преступления. Если же, несмотря на мое недостойнство, каким-либо случаем изобразится портрет мой, то постараюсь исполнить желание ваше, внушенное любовью.

Христос посреди нас есть и всегда будет.

Вашего превосходительства покорнейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий.

За этим письмом скоро последовали другие: переписка оживилась.

Ваше превосходительство, милостивейший государь!

Вот! опять я пред вами просителем; это для меня не трудно. Ваше постоянное во мне и обстоятельствах моих участие было постоянным и надежным пристанищем просьб моих. Сергиева пустынь получила близ ограды своей до 200 десятин земли на основании той Высочайшей воли, которая, вы помните, почему и как состоялась. Эту землю, состоявшую единственно из болот, монастырь осушил, расчистил, завел на оной хозяйственный хутор с запашкою и скотоводством. Доходы сего хутора, если все покроется и впредь таким благословением, каким покрывается ныне, можно полагать до 30-ти тысяч в год. Продаем молока в месяц рублей на тысячу, иногда на две. При таком умножении монастырского дохода способом невинным, самый монастырь должен придти в цветущее положение. Итак, земля составляет существенное достояние монастыря. Планы на оную в настоящее время находятся в московской межевой канцелярии. Покорнейше вас прошу не оставить меня и обитель вашим милостивым ходатайством, – замолвите слово по приложенной при сем *записке*.

С чувством сердечной привязанности к незабвенному другу, с сердцем которого сердце мое часто сливалось в одно ощущение, емь навсегда...

1840 года марта 15-го дня.

Когда бываю уединен – часто живо мне представляется, всегда с приятнейшею улыбкою. Тогда сердце ваше сердцу моему *весть подает*.

Воистину воскрес Христос!

Ваше превосходительство, милостивейший государь Стефан Дмитриевич!

Пишу к вам, тихо беседую с вами, как бы с присутствующим, и получаю ваше письмо, в котором вы замечаете, что мы писали друг к другу в одно время. Усерднейше благодарю вас за пособие, оказанное обители нашей. С приятностью читал я письмо Стурдзы⁶ и избранные повести о милосердии из житий святых отцов⁷. Это прочное средство к поддержанию и усовершенствованию в благочестивом и добром российском народе по природе сильной склонности к вспоможению ближним. Вы спрашиваете, почему начатое при вас издание отдельных житий, принятое публикою столь благосклонно, ныне остановлено? Что вам на это отвечать? Этому причиною страсти человеческие. Письмо о монашестве⁸, очень дельное, оставляю у себя на неделю, чтобы иметь время сделать некоторые примечания, и препроводить оные к вам. Не была ли у вас в руках книжка писем задонского затворника **Георгия**? Вот духовный писатель, ушедший далеко от всех духовных писателей нашего времени. Дворянин, воин, он сложил у себя оружие вещественное, чтобы вступить в поприще брани духовной, провел в неисходном затворе семнадцать лет и скончался в 36-м году, будучи 47-ми лет от роду, духовным успехом заменив лета многа. Писал он многим, к нему расположенным, особам письма, которые по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. С пера его текут струи благодатные, и недостаточество внешнего образования заменяется обильным достоинством духовным. Книжка сия сделалась одною из моих настольных. В Москве можно ее достать. Вы будете пить чашу утешения, которая вам теперь нужна. Святой Иоанн Богослов, когда увидел рай, наполненный святыми белоризцами, и спросил, кто эти белоризцы, то ему было сказано: это те, которые пришли, претерпев великие **скорби**; они вымыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца. Таков обычай Царя небесного: кого любит наказует, бьет всякого сына, о котором благоволит (Евр. 12). Пишу вам с природы; если еще не знаете, то, конечно, узнаете от Мальцовых⁹. Вы можете видеть мое сердце: оно и грешно, и не

чисто, но любит бескорыстно. В том, что вы желали и желаете мне добра, удостоверен я и теперь удостоверяет самый опыт. Желайте добра не тленного, не временного, но истинного, которое доставит мне Сам Господь, подающий любящим Его чашу страданий в сей краткой земной жизни. – Навсегда ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

1840 года апреля 29-го дня.

Ваше превосходительство, милостивейший государь Стефан Дмитриевич.

Препровождаю при сем письмо о монашестве, которое прочитал я неоднократно с удовольствием и о котором имел честь в прошлом письме, по вашей любви ко мне и моей к вам, сказать мое не тяжеловесное мнение: оно очень дельно. По тому же чувству, по желанию вашему и моему обещанию, не останавливаюсь и заметить, не для критики, но с желанием принести посильную услугу:

1. По мнению моему, **происхождение монашества** не довольно правильно изложено. Оно не есть плод гонений, хотя некоторые, точно, удалились в пустыни от гонения. Несколько частных случаев не позволяют заключать о целом. Это объясняется в особенности тем, что пустыни начали наполняться монахами по окончании гонений, во время коих пустынножителей было весьма мало. Вот наружное доказательство; есть и внутреннее, сильнейшее: почти все иноки древние входили в искушения: явные от бесов, после чего искушения от человеков не страшны. Таким ли бояться мучителей? Антоний Великий, когда услышал о начавшемся гонении в Александрии, пришел туда, объявил себя христианином, желал мучиться, но никто не посмел возложить рук на него: ибо и монашество есть долговременное мучение. От чего же явилось монашество? В первые три века Церковь Христова была гонима правительством. Принять христианство значило лишиться всех прав гражданства, всего имущества, самой жизни. Принятие христианства не могло быть, как следствием сильного убеждения. Христиане жили, как приговоренные к смерти, не зная, в который час Жених придет, – приготавлились к смерти, расточая тленное имущество нищим, пребывая непрестанно в молитвах и сердцем живя более на небе, нежели на земле. Весьма многие проводили жизнь девственную, подвижническую – все. Не было мысли о забавах, роскоши, стяжании, своеволии. Можно сказать, все были монахами; аскеты были совершенными монахами, не имея платья монашеского, как и клир не отличался одеждами во время гонений от общества. Когда гонения прекратились, то жизнь христиан посреди градов

изменилась, ослабла. Веру христианскую принимали не всегда по одному убеждению, но весьма часто по обычаю; вступило в Церковь много гнилых удов, кои во время гонений тотчас бы обнаружилась отпадением; общество христианское посреди градов изменилось. Жене-Церкви, коей первородный плод, лик мученический, восхищен к Богу на небо, даны были два крыла орла великого – бежать в пустыню: явился лик монашествующий.

2) Недостаточно объяснена **разность между мирянином и монахом**, столь явная из слов Спасителя к юноше: *аще хочещи спастися, заповеди сохрани: не убий, не прелюбодействуй, не укради и проч.* Вот деятельность мирянина, коей цель – спасение. На вопрос юноши, что есмь не dokonчил, Господь научает, что есть в христианском жительстве *совершенство*; кто хочет оно достигнуть, должен сперва оставить все земное, и потом, обнаженный от всего, принять труд о достижении совершенства. Это изображает и евангельская притча, в коей Царствие Небесное уподобляется купцу, узнавшему, что на некотором селе скрыто сокровище, и продавшему все имение для покупки села того, заметьте, а не сокровища. Святой Макарий Египетский говорит, что тот, кто расточил имение, оставил все приятное земное, удалился в пустыню – еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, – неизвестно, достигнет ли цели.

Совершенство христианское состоит в чистоте сердечной, коей является Бог, обнаруживающий Свое пребывание в сердце многоразличными дарами Духа Святого. Достигнувший сего совершенства есть светильник, не телесным служением, но служением Духа исполняющий заповедь любви к ближнему, руководящий *спасающихся*, восставляющий их от падений, целящий их душевные раны. **Монашеский лик** доставил Церкви Христовой пастырей, которые не препретьельными словесами человеческой мудрости, но словесами Духа, споспешествуя учению чудесами, пасли и утверждали Церковь. Вот почему Церковь по окончании мучений представлена бежавшею в пустыню. Туда бежало совершенство церковное, источник света церковного, главная сила Церкви воинствующей. Кто были Златоуст, Василий Великий, Епифаний, Алексий и Филипп митрополиты, – словом, все святые пастыри! Но и не в чине архиерейском, а в простом монашеском есть много светильников от Антония Великого, Иоанна Дамаскина, до Сергия Радонежского и Георгия Затворника. Веру утверждали, ереси обличали и попрали. Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой *совершенство*, без коего и *спасение* с самою верою легко

может утратиться, и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученные долгим временем, в различение добра от зла (Евр.). Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после – монахи. Безбрачие, нестяжание, пост, труд, бдение, деятельная любовь, это – орудия, средства к достижению совершенства, но не самое *совершенство*. Кажется, в письме об этом сказано темно, отчего различие и необходимость монашества выставлены не в полной силе. Хорошо бы сочинителю прочитать беседы Макария Египетского, и слово усилить понятиями духовными. Скажут: какой гордый отзыв о монашестве, обличающий гордость сердца. Отвечаем: в темной комнате значительная нечистота не приметна; в освещенной яркими лучами солнца тонкий прах весьма заметен и покоит хозяина. Дух Святой есть учитель смирения; вселившись в сердце, вздыхает вздыханиями неизглаголанными и показывает человеку ничтожность праведности его, как говорит Исаия: вся наша правда, яко порт жены-блудницы. Настоящая дьявольская гордость – отвергать дар Божий существующий, как бы не существующий.

Навсегда ваш преданнейший,

Архимандрит Игнатий.

Мая 5-го дня. 1840 года.

Ваше превосходительство, милостивейший государь!

Опять пред глазами моими почерк вашей руки, который всегда возвещал мне приятнейшие ощущения, долженствующие наполнить душу. Теперь довольно поглядеть, или лучше взглянуть на этот почерк. чтоб отворить дверь в сердце для множества сладостных впечатлений. Благодарю вас за присланные книжки, – сказатели полезных трудов ваших: в *Первых Опытах Комитета*, достигши чтением § 9-го, я торжествовал духовно, видя, что пища для плоти соединена с пищею для души; особливо – назидательное **чтение при работах** есть новость в России в наше время, воскрешение древнего обычая благоустроеннейших монастырей; при отгнании праздности от тела, отгоняется сия мать пороков и от ума, – это превосходно! – благодарю вас за милостивое слово, замолвленное о планах земли, принадлежащей Сергиевой пустыни, которые теперь уже в руках наших.

Наконец! Горе имеем сердца, исполненные благодарения! Слава милосердому Богу, исцеляющему болезнь детей ваших и утешающему домочадцев ваших надеждою урожая. Повторим песнь отроков в печи вавилонской: согрешихом, беззаконновахом... И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси... душею

сокрушенною, и духом смиренным да прияты будем (Даниил: 3). Вот **истинное духовное чувство!** Праведники, подвергшись искушению, не видят своей праведности, зрение ума их устремлено к совершенствам Божиим, озаренные сим светом, они видят нечистоту правды своей, – и сердце исполняется чувствований глубокого смирения, ум начинает произносить исповедание и хвалы правосудия Божественного. Вот фимиам, благоприятный небу; вот кадило, которого дым разливается в горнем жертвеннике Царя царей.

Об **есесеях** сведения Иосифа Флавия и о **ферапевтах** Филона – не удовлетворительны; оба сии писателя, будучи иудеи, не передали нам ничего о том, с каким чувством они встретили веру христианскую. То видно, что секта ессеев в Палестине и ферапевтов в окрестностях Александрии сохранили строго обычаи иудейства и не принимали христианства. Вот что говорит о первых преподобный Нил Синайский, монашеский писатель IV века: *любомудрствовать покушались многие эллины, и из иудеев немало... От иудеев избравшие сие жительство суть сыны Ионадава... всегда обитают в кущах, воздерживаются от вина и от всего влекущего к сластолюбию, пищу имеют простую, удовлетворяют потребностям тела с умеренностью, очень прилежат образованию нравов и пребывают наиболее в созерцании. Отсюда и называются *ессеи*: ибо сим названием обозначается род их жительства. Но какая польза им от подвигов и от пребывания в трудах, когда они убили Подвигоположника Христа. Погибает мзда трудов их: ибо они отвергли Раздаятеля мзды и Источника истинной жизни. Итак, они погрешили в цели любомудрия: любомудрие есть благоустроение нравов соединенное с истинным познанием о Боге, в чем погрешили и иудеи и еллины, отринувшие Премудрость, пришедшую с небес, и покусившиеся любомудрствовать вне Христа. Таково мнение пр. Нила, ученика Иоанна Златоустого; таково мнение и других древних учителей церковных о ессеях. Их подвиг был более наружный, лучшие наблюдатели древностей церковных находят, что они вдалились более прочих иудеев в мелочную утонченность обрядов, отчего, оцедая комаров, забыли позаботиться о верблюдах. По этой причине секта их по духу близка была к фарисейской. Не осужден ли евангелием их пост, их милостыня, их молитва, чуждые смирения, вместе с фарисейскими? – Полезно для христианских монахов оглядываться на ессеев и в них видеть, что **телесный подвиг**, без любви и сердца сокрушенного, есть кимвал, звяцающий тщеславием, и медь, звенящая от пустоты своей.*

Обращаюсь к началу дражайшего письма вашего, дышащего

добротою. 1-го февраля 1840 г., когда я был потребован для выслушания приговора, который в чем состоял и за что – мне было неизвестно, я чувствовал особенное спокойствие духа: в напутствие услышался в церкви апостол, тому дню принадлежавший по церковному кругу сего года (1-го послания Петрова, главы IV, начинался с 12 стиха и оканчивался первыми стихами следующей главы). Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного... Время начаться суду с дома Божия... Итак, страждущие по воле Божией Ему, как верному Создателю, да предадут души свои, делая добро. Может ли быть что утешительнее и назидательнее? Особливо слова: время начаться суду с дома Божия, – погружают ум мой в глубокое размышление. Они сообщают нам возвышенную духовную мысль, что делание и подвиг христианина, как бы сами по себе, по суду человеческому, ни были достаточны, по суду Божию далеки от совершенства и требуют очищения и дополнения от искушений. Тогда почитается здание храма Божия оконченным, когда засверкает на вершине его **крест** Христов.

Доброго здоровья вам и милым детям вашим. Господь да сохранит вас, да укрепит вас для пользы человечества и для пользы гражданской.

С истинным высокопочитанием и сердечною преданностью, имею честь быть...

Сергиева пустынь.

Июля 16-го дня, 1840 года.

И прекрасный перевод жития Иоанна Милостивого читаю с наслаждением, и гляжу любовно на знакомую руку, которою надписан конверт, ищу коротенькой записочки, хочу знать, здоров ли, благополучен ли кормитель нищих в столице христоролюбивой, – ищу напрасно, напрасно любопытствую с такою заботливостью. Впредь кладите в такие конверты маленький листочек с сим двусловием: *я здоров*. Полезно употребляемое вами время оставляет вам мало времени, а я не нуждаюсь в длинных письмах от вас: имею продолжительное письмо в сердце; оно начинается с начала нашего знакомства, конец его... О! я хочу, чтоб оно было без конца, чтоб продолжение его перешло за пределы гроба и сделалось вечным во Христе. Какое наслаждение – **любовь**. Пишу к вам, и на языке моем чувствую какую-то особенную сладость. Это – сладость древа райского.

Присылаемые вами книжки мне говорят: внеси и ты маленькую лепту в ту сокровищницу, в которую богатые вносят тысячи сребреников. Не буду голосу этому ослушен.

От души ваш

Архимандрит Игнатий.

12-го ноября 1840 г.

Христос Воскресе!

Дражайший и почтеннейший Стефан Дмитриевич!

Много виноват я пред вами, не отвечая столь долго на письмо ваше, исполненное дружбы и искренности. Оно не сходило со стола моего, часто перечитывал его, каждый раз с новым утешением. Справедливо говорит святой Исаак Сирский: нет в мире предмета драгоценнее **любви ближнего**, которою входим в любовь Божию. Или обременил я себя излишними письменными занятиями, или подействовали на слабое мое телосложение искушения, или хроническая моя болезнь – солитер, или все вместе привело меня в середине зимы в такое болезненное положение, что я оставил пищу, почувствовал сильнейшую боль в груди, в продолжение Великого поста так был слаб, что едва подписывал имя мое на налое; с страстной недели поправляюсь, и, кажется, избавился от солитера, по особенному расположению одной почтенной дамы – княгини Юсуповой, доставившей мне доктора, занимающегося единственно или преимущественно лечением этой болезни средством растительным и потому совершенно безвредным. Провожу время по обыкновению: занимаюсь монашескими книгами святых отцов, из коих Бог помог окончить перевод с латинского **книги святого Исаии Отшельника**. Из первого издания оной двести экземпляров назначаю для монашествующих Сергиевой пустыни, а тысячу в распоряжение питателя московских нищих. Книга не имеет наружного порядка в изложении, который требуется от писателя ученого в школах мира сего, но имеет глубокие мысли, имеет систему для сердца и ума, которую можно ожидать от воспитанника пустыни безмолвной. Надеюсь, что вы прочтете оную с душевною пользою и удовольствием, ибо вам знаком вкус глубоких чувств, рождаемых смиренным рассматриванием внутреннего человека. Таким образом я буду участником ваших занятий и вы моих! Эта мысль меня утешает.

Вы познакомились с о. Арсением Троепольским! Точно, он добрый человек: я находил понятие его о монашестве более ученым, чем опытным, более удовлетворительным для ума, чем для сердца; не знаю, в каком он положении теперь. Дай Бог всем спастись от змиев – страстей наших, коим помогают другие змеи – демоны. Если б вы взглянули в настоящее время на **братство Сергиевой пустыни**, то очень бы утешились: ибо ваша рука была при учреждении сего духовного сада и многие лозы пересажены с вашею помощью. Все почти прежние жители монастыря выбыли; теперь

первые лица – это те послушники, которые вступили в обитель вместе или вслед за мною. Они уже иеромонахи, и главный из них – наместник Аполлос, кажется, не ложно может быть назван образцовым иноком нашего времени.

Не знаю, не сберусь ли в конце лета побывать в Москве. И очень нужно бы для здоровья, – кажется, нужно бы и для души. Какое радостное свидание меня там ожидает и туда приманивает! До сих пор встречаю препятствие в мысли, представляющей, что опасно оставить монастырь при настоящих обстоятельствах духовенства невского, можно отсутствием своим подвергнуть братство сергиевское расхищению. Не приедете ли вы в северную столицу? Не призывает ли вас в оную наступающая нужда поместить старшего сына вашего в пажеский корпус или гвардейскую школу? Ему должно быть около 14 лет? Очень порадовался я, услышав, что государь опять обратил внимание свое на заслуги ваши. **Земная почесть**, сама по себе ничтожная, но для человека, посвятившего жизнь свою на службу царю и отечеству, отрадна царская милость.

Остается мне изобразить постоянное, и усердное, и молитвенное желание моего сердца всех благ вам и всему вашему семейству. Да благословит Бог питать и растить в душе вашей чувство любви христианской к грешному Игнатию!

Ваш усерднейший и преданнейший слуга и богомолец,
Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь.

Апреля 11-го дня 1841 г.

Ваше превосходительство, милостивейший государь!

Почтеннейшее письмо ваше от 11-го июня получил я к особенному моему удовольствию, которое так мне обычно при получении ваших писем. Отчет комитета¹⁰ за 1840 год показывает чрезвычайный успех сего благотельного учреждения, управляемого мудрою вашею распорядительностью. В конце мая месяца скончалась в Петербурге благотельная особа княгиня Татиана Васильевна Юсупова¹¹, которая делала много пособий, часто большими очень суммами; за несколько времени до кончины своей она познакомилась со мною коротко, усилила благотворительность свою и намеревалась решительно оной предаться, как по неисповедимым судьбам Божиим внезапно потребована в вечность. В числе неисполнившихся ее намерений находится и издание **книги св. Исаии Отшельника**, которую она хотела напечатать на свое иждивение, и напечатанные экземпляры, за исключением небольшого количества, нужного для раздачи безденежной

почитаемым и благочестивым людям, предоставить в ваше распоряжение. По разрушении сего плана смертью кн. Юсуповой, может ли труд мой быть полезным для братьев, нуждающихся в хлебе вещественном? Я сам не имею на что напечатать с единственною целью пожертвования; равно не имею в виду лица, которое бы издержки напечатания взяло на себя. Но если вы, почтеннейший Стефан Дмитриевич, найдете выгодным напечатать на иждивение комитета, то с любовью жертвую трудом моим. Книга, кроме предисловия, оглавления и проч., сама по себе имеет 332 страницы, кои сравнив с страницами вашего отчета, нахожу соотношение между ими, как 4 к 3, т. е. книга Исаии может иметь таковых печатных страниц 250. Для образчика книги, которая прямо монашеская, но и для всякого внимательного христианина крайне полезна, прилагаю при сем некоторые отрывки. Прошу известить меня о вашем распоряжении, по которому могу выслать к вам рукопись, которую остается доправить и дополнить алфавитом. Вся моя корысть вещественная будет ограничиваться покорнейшею просьбою о доставлении мне ста экземпляров для безденежной раздачи за цену, чего будет стоить комитету; вторая же просьба, – чтоб имя мое нигде не было обнаружено. Мой казначей отправился в Киев, он часто видал вас, и я ему поручил быть у вас и доставить мне подробное сведение о вас. Как вас домашние обстоятельства требуют в Рязань¹², так меня, наоборот, сергиевские обстоятельства не пустят в Москву. Столь шумного лета у нас не бывало. Петергофская дорога усеяна экипажами. – Будьте здоровы!

Навсегда ваш.

Архимандрит Игнатий.

24-го июня 1811 года.

Св. Исаия из Слова VIII. – Если ты дал что займы ближнему и оно не просишь, обратно, то подражаешь свойству Иисуса; если же просишь, то подражаешь свойству Адама; если требуешь лихвы, то это ниже и Адамова свойства. Если кто укорит тебя за что, тобою сделанное, или не сделанное, а ты промолчишь, то уподобляешься Иисусу; если будешь отвечать, возражая: что я сделал? то ты уже не подобен Ему; если же, воздашь равным за равное, – то совершенно не подобен. Если приносишь жертву твою со смирением, как недостойный, то она будет благоприятна Богу. Если же вознесешься сердцем твоим и вспомнишь о других спящих, или нерадящих, то суетен труд твой. Смирение не имеет даже языка сказать о ком, что он нерадив или прозорлив; – не имеет глаз для зрения чужих погрешностей; – во имеет ушей для слышания того, что не может принести пользы душе; наконец, оно не имеет никаких забот, кроме забот

о грехах своих. Оному свойственно со всеми сохранять мир, не по причине дружбы, но ради заповеди Божией.

Слов. XVII. Попирающий совесть изгоняет добродетели из сердца своего. Боящийся Бога прилежен, не боящийся Его предается нерадивости. Хранящий уста свои и молчащий благоразумно, возвышает помышления к Богу. От многословия происходят лень и ярость. Подчиняющийся ближнему волю свою обнаруживает тщливость души к снисканию добродетелей; напротив, пристрастный к воле своей, обнаруживает свое невежество. Страх Божий и тайное поучение хранят душу от страстей. Мирские разговоры повергают сердце в мрак и отвращают оное от добродетелей. – Возмущается ум и сердце любовью к земным вещам, презрением оных приносится безмолвие и спокойствие... Ржа снедает железо; подобным образом честолюбием точится сердце человеческое. Плющ, обвившись около виноградной лозы, портит плод ее; подобным образом тщеславие ниспровергает труды человека. Смирение предводительствует добродетелями, а чревообъедение страстями. Конец добродетелей – любовь, а страстей – почитание себя самого праведным.

Заключение XVII Слова. – Братия! Будем стараться, доколе находимся в теле, наполнить сосуды наши елеем, по причине коего светильник бы наш засиял, когда будем входить в Царствие. Светлый и блистающий светильник есть душа святая. Ибо душа, блистающая добрыми делами, войдет в Царствие, душа же, оскверненная злобою, низойдет во тьму. Итак бодрствуйте, братия, и прилежите добрым делам: ибо время приближается. Блажен, ведущий себя строго. Уже колосья поспели и настает жатва. Блажен, сохранивший плод свой, и приидут ангелы и вложат оный в житницу вечную. Горе унывающим, ибо огонь их пребывает. Наследия мира сего суть золото, и серебро, и дома, и одежды: все они подают причину ко греху, и при всем том, отходя туда, мы должны их оставить. Наследие же Божие безмерно, оно *«око не виде, ухо не слыша, оное на сердце человеческое не взыде»* (1Кор. 2:9). Оно даруется тем, кои и краткое сие время повинуются заповедям Господа. Оно даруется за хлеб, за воду, за одежды, кои подадим нищим, за человеколюбие, за чистоту тела, за непорочность сердца и за прочие добродетели...

Ваше превосходительство, милостивейший государь Стефан Дмитриевич!

Долго не отвечал я на почтеннейшее, дружеское письмо ваше. Так прихворнул в это время, что опасались воспаления в груди. Произведено кровопускание, приставлены пиявки, и приговаривают к повторению кровопускания. Сохраняю большую диету от письма и пишу только в

крайних случаях: этому причиною большая слабость в груди с болью и потерей голоса. Так переплавляемся мы в здешней жизни, и, дай Боже, чтоб не бесполезно!

Служение ваше по духовному ведомству дало вам возможность употребить слово *мытарство* для названия тех **рассматриваний** продолжительных и многообразных, коим подвергаются у нас книги существенно полезные, и от коих так свободны книги умеренной пользы, в особенности же пустые и даже вредные. Я улыбнулся при прочтении этого слова и теперь часто улыбаюсь, видя оживотворение его делом. Книга святого Исаии была у преосвященного киевского¹³ в продолжение 8 месяцев; он прочитал ее и одобрил к напечатанию, ублажив духоносного писателя величайшими и должными похвалами. Теперь, конечно, пойдет на рассмотрение к московскому¹⁴. Наследники Юсуповой не наследовали ее щедрости, или, может быть, и наследовали, но без того расположения ко мне, которое имела покойная. Здесь подобный **пожертвователю** не легко открывается: большая часть жертвователей ищут публикаций в газетах и благоволений, а не тайной сердечной награды. Если труд мой может послужить с какой-нибудь пользою для нуждающихся братьев, то, по совершенном одобрении рукописи к напечатанию, не премину представить оную к вам. Будьте раздаятелем хлеба и вещественного, и духовного! Тех и других нищих много.

Опасения ваши по отношению к климату и нравственности очень справедливы: никакой глаз не может заменить родительского, не говоря уже о сердце. Да и из **учебных заведений**, в настоящее время, едва ли не первое место должны занимать учреждения, приготавливающие к статской службе, а из них вообще университеты. Мы ветрены: количество знаний, которое возрастает с возрастом мира, мы имеем большее, нежели наши предки; это самое многознание делает нас поверхностными, и мы уступаем предкам в качестве знаний, в сущности знания. А ветренность – от стремления к пустым веселостям.

Вы промолвились о **уединении**? Когда эта мысль приходит, надо ее спрашивать: не рано ли? Хотя и опаздывать не должно. Точно: мир не веселит людей размышляющих, но он, питая нас горестями, отталкивает нашу любовь к нему и направляет ее к Богу, мир ранит наше сердце и тем исцеляет болезни – земные пристрастия. Безвременное уединение уничтожает сию работу сердца, которое, нашедши покой, часто снова примиряется с миром и делается холоднее к Богу. Это не мои мысли, но я заимствовал их из аскетических отцов Церкви, и когда приходится видеть опыты, то они постоянно утверждают меня в сем образе мыслей.

С большим бы удовольствием прислал вам рецепт того лекарства, коим я избавился от солитера, но тот приезжий доктор, который пользуется от сей болезни, предлагает нашему правительству купить рецепт его за 5000 рублей ежегодной пожизненной пенсии, а до тех пор не открывает своего способа, в который входят одни растительные вещества. Кого он здесь ни пользовал, всех удачно.

Наконец я склоняюсь на портрет с грешного лица моего и почитаю обязанностью своею прислать к вам экземпляр, дабы вы видели и образ того, кому вы делали много добра. Мои мысли и чувствования, которые не прямо мои, но заимствованы от истинного духа Христовой Церкви, всегда находили приют в вашем сердце. От этого взаимная любовь! Любовь – тот покой, тот дом, в который Бог вселяет единомысленных о Христе, как воспевают псалмопевец.

Благодарю вас за присланные брошюры¹⁵. Очень приятно видеть, что есть люди, рассуждающие основательно. Между прочим, присматриваюсь и к печати, какая бы поприличнее была к книге пр. Исаии; кажется, покрупнее лучше; а то для старых и слабых глаз модная мелочь чрезвычайно затруднительна. Мне понравилась печать: *Нищие в Москве*, по четкости.

Будьте здоровы! Поздравляю вас с Новым Годом, призываю на вас и на все почтеннейшее семейство ваше благословение Божие и молитвы преподобного Сергия. И с чувством сердечной преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1842-го года, генваря 17-го дня

Казначей мой, быв в Москве, справлялся о вас, но ему сказали, как это и в самом деле было, что вы находитесь в отсутствии. Самому мне хочетсядохнуть благорастворенным воздухом внутренней России, но до сих пор обстоятельства не подают руки.

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Аз, говорит Господь в Откровении Иоанна Богослова, их же люблю, наказую. Эти слова совершаются над вами. И ваше сердце давно приготавлилось непостижимым, таинственным ощущением к ношению креста! И вы давно приучаетесь на самом деле к ношению креста! Ваша счастливая жизнь, в которой я вас застал, была подобна благотворному лету, доставляющему нивам обильное плодородие: в нем дни ясные сменялись днями пасмурными. Прочитав письмо ваше, которого каждое слово отзывалось в моем сердце, я перенесся воспоминанием к тому опыту

стихов ваших, который вы, когда-то, во время одной из приятнейших наших бесед, мне читали. Предметом ваших восторгов была Голгофа, крест, терновый венец, гвозди. И точно! С того времени как Богочеловек подчинил Себя страданиям и ими исцелил наши страдания, **подножие Голгофы** сделалось для ученика Иисусова местом дум плачевных и вместе утешительных, сладостных. Сидящий у сего подножия смотрит с равнодушным и спокойным любомудрием на непостоянных счастливых сего непостоянного мира. Он им не завидует, он предпочитает познание креста Христова, отверзающего врата в блаженную вечность, тому кратковременному упоению, в котором держит земное счастье свою жертву, чтоб предать оную вечному бедствию. Горе вам, насыщении ныне, горе вам, смеющимся ныне! – Это неложные слова Сына Божия. В то время, как я имел возможность часто наслаждаться лицезрением вашим, взоры мои отыскивали особенную черту в вашем характере: она ярко выказывалась для меня при всей светлости вашего ума: это простота сердца, выражающаяся в доверенности к людям, к доброте их сердец, к прямоте совести и правил. Таковая простота есть один из признаков любви. *Любы не мыслит зла, а потому всему веру емлет.* Любовь есть печать души, способной для неба. Итак, в вашей душе та причина, по которой человек бывает крестоносцем; *Отец Небесный всякую лозу, творящую плод, отребляет ю, да множайший плод принесет.* Вот и глаза ваши ослабели. Понимаю, как отяготительна болезнь сия для человека, которого главнейшим занятием суть чтение и письмо. И почерк ваш сказывает, что глаза ваши не прежние. Я страдаю **глазною болезнью** уже семь лет, и длинные зимние вечера провожу в своей комнате без свечек; пишу и читаю только при свете дневном; впрочем, и сие без боли глаз только с нынешней зимы, после того, как я стал привязывать к глазам на ночь рубленную или лучше мелко крошенную свеклу в платке батистовом, на полчаса или час, предварительно намочив голову ромом, предпочтительно белым, и обтерши им лицо. Все прежние лекарства, все знаменитые капли, и чужестранные и здешние, не принесли мне никакой пользы; напротив, еще более ослабили, притупили зрение. Последнее средство, будучи вполне не опасно, очень мне помогает; должно наблюдать, чтоб как свекольный сок, так и ром не попадали в глаза. Для вас, на котором лежит столько должностей общественных, при исполнении которых вы не любите не смотреть пристально, ослабление зрения есть большая потеря, большое лишение. Инок должен меньше чувствовать тягость сего лишения, потому что он может, сидя в своей келлии, чуждый всякой наружной деятельности, разгибать книгу души

своей и читать в сей книге назидательнейшие истины.

Милые ваши дети, прекрасные ваши дети, которые так утешительно лепетали молитву и славословие Спасителю мира, совершающего хвалу Свою из уст младенцев и сущих! Они достигли юношеского возраста; они ощущают, несут **ярем креста!** Господь да укрепит их, да помилует их! Да дарует их родителю терпение, подобное терпению Иова, посылая искушения, подобные искушениям сего праведного мужа. Вы уязвлены и в имение ваше, и в семейство ваше, и в тело ваше. Души его не коснись, заповедует Господь диаволу, передавая на испытание внешнего человека. Не касается диавол души страждущего человека, когда человек пребывает в самоукорении и в благодарении, когда множеством славы стирает супостата. **Достойная по делом наю восприемлем** – вот слова, приличествующие распятым одесную Господа. Таковые будут помянуты в Царствии Его.

Благодарю вас за присланные книжки. Обе так просты и ясны, что в них с приятностию усматривается желание угодить не только земле, но и небу. Слово отца Сергия очень мило: в нем соединяются прекрасные чувствования с непринужденным, приятным слогом. И слово его не возвратилось к нему бесплодным, посеялось в сердцах слушателей и принесло плод приятный Богу, – сострадание к нищим, тотчас выразившееся в делах!

Будучи вам должен невыплатимым долгом, долгом любви, я состою у вас в особенном долгу! А причиною тому – мои глаза. Книга Исаии ждет окончательной переправки, которую никак не могу предпринять раньше весенних, ясных дней. По тому, как ныне публика принимает подобные книги, я полагаю, что экземпляры Исаии не залежатся, особливо, когда они будут в деятельном распоряжении председателя Комитета нищих. Ныне выходят вновь письма Задонского затворника уже в трех томах: эта книжка многим чрезвычайно понравилась.

Что сказать вам о себе? Единообразно текут дни мои среди немощей душевных и телесных. Сергиева пустынь расцветает год от году более, а я год от году хилею, слабею и по зимам почти не выхожу из своих комнат. Иногда мелькает мысль о путешествии в Воронеж или Киев, о путешествии столь нужном для моего здоровья, и опять подавляется бесчисленными препятствиями, не позволяющими оставить монастырь на продолжительное время, особливо летом. Но в то время, когда занимает меня мысль сия, бываю в Москве, вхожу в дом, стоящий близ Девичьего поля, вижу хозяина, с тою же улыбкою любви на устах, с каковою всегда видел его в Петербурге, и приветливо смеются мне его голубые глаза, все

лицо его живописуется в моем воображении со сходством точно идеальным. Сердце гармонирует фантазии нежным восторгом и трепетанием.

Простите, простите! Соединенный со мною узами искренней дружбы и удаленный протяжением земного расстояния, Стефан Дмитриевич! Когда-то судьбы приведут вас увидеть, и какую увижу в вас перемену, напечатленную восемью нерадостными годами. На мне вы увидели бы седины и седины!

Призываю на вас благословение Божие и молитвы преподобного Сергия, поручаю себя вашей христианской любви и с чувством сердечной преданности и почтения имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь

Декабря 13-го дня 1843 года.

Долго странствовало письмо ваше, почтеннейший и добрейший Стефан Дмитриевич, доколе не пришло ко мне. Оно пустилось в путь 20 августа из Сторожева (конечно, это имя вашего поместья), а прибыло в Сергиеву пустынь 25 сентября. Из штемпеля петербургского почтамта видно, что оно получено в нем 21 сентября. А надпись на нем: *по ненахождению препровождается*, несмотря на то, что адрес ваш выполнен со всею точностью и правильностью, показывает, что встретились какие-либо недоразумения, и письмо путешествовало куда-либо в другое место, прежде путешествия своего в Стрельну.

В ответ на первую страницу вашу скажу: соответственно вашим добрым чувствам ко мне, и скудное мое слово к вам кажется вам благим и носящим помазание. Но каково бы оно ни было – оно есть слово сердца. Признаюсь, – бывали в жизни моей минуты, или во время тяжких скоро ей, или после продолжительного безмолвия, минуты, в которые появлялось в сердце моем **слово**. Это слово было не мое. Оно утешало меня, наставляло, исполняло нетленной жизни и радости – потом отходило. Искал я его в себе, старался, чтоб этот голос мира и покоя во мне раздался, – тщетно! Случалось записывать мысли, которые так ярко светили в сии блаженные минуты. – Читаю после, – читаю не свое, читаю слова, из какой-то высшей сферы нисходившие и остающиеся наставлением. Обыкновенная жизнь, и монастырская, сопряженная со многим развлечением, не может удерживать всегда при себе сих горних посетителей. Открывая так себя пред вами, почтеннейший и дражайший Стефан Дмитриевич, я самым делом доказываю вам, что недостойная душа

моя, по благодати Божией, ощущает сближение с душою вашею, несмотря на материальное пространство и на продолжительное время, нас разлучающих: потому что это сближение совершается о Господе и ради Господа.

Вашего финляндца¹⁶ присылайте сюда. Несмотря на то, что наш монастырь битком набит, надеюсь найти и для него уголок. Может быть, знание сельского хозяйства доставит ему приятное и знакомое для него, а для монастыря полезное занятие. Если же сверх моего чаяния, по какой-либо причине, он не будет соответствовать здешнему месту или оно ему, то надеюсь поместить его в один из подведомственных мне монастырей. Но желаю, чтоб сие второе предположение оказалось вполне ненужным.

Посетила меня, недели с две или три тому назад, послушница Бородинского монастыря¹⁷, жившая некогда у Елизаветы Михайловны Кологривовой: она довольно подробно сказывала мне о вас, о ваших милых детях, что и их посещает перст Божий. Милые дети! Бог, рано посылая вам вздыхания, приготовляет вас в храмы Себе. Не завидуйте тем, которые пользуются полным здоровьем, которым мир улыбается и которых он приглашает в свой омут. Уста распявшегося за нас Господа возвестили горе смеющимся ныне, а блаженство плачущим и вздыхающим.

Участвующий в вас сердцем, ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

1845 года, 27-го сентября.

Получил два письма ваши почти в один день, дражайший и Бесценный сердцу моему Стефан Дмитриевич: одно с отчетом печатным, другое с отчетом живым – Валленштремом. Вы меньше сказываете в вашем печатном отчете, нежели сколько говорит живой: в первом виден ваш ум, ваша распорядительность; второй беседует больше, почти единственно, о вашем сердце... Валленштрем мне понравился, понравился и братии; сколько видно и как он говорит – понравился и ему монастырь наш. По его хозяйственным сведениям он может быть полезным обителю: следовательно, вы сделали нам значительный подарок. В нравственном отношении мы не будем его отягощать излишними, утонченными требованиями, зная, что старое строение от значительной переломки может только разрушиться.

Благодарю вас за участие в постигшей меня **скорби**. Но это – путь мой: одна скорбь передает меня другой, и когда несколько продлится спокойствие, то я чувствую сиротство. Увидев бездыханное тело, я зарыдал над ним без всякой мысли, по одному лишь горькому чувству сердца. Какая мысль, какое размышление может быть тогда, когда

действует судьба, превышая мысли? Буди воля Божия, буди воля Божия! В сих словах я находил разрешение сего случая; сии слова внесли в душу мою спокойствие – непременно следствие преданности воле Божией. Часто стоя пред вратами вечности, частым ощущением ее и размышлением о ней, не принужденными и не искусственными, но являющимися и действующими в душе как бы самостоятельно и естественно, – я становлюсь более и более холодным к случающемуся со мною приятному и неприятному, предавая все временное воле Божией и прося у Бога единственно благополучной вечности.

Приближаются великие праздники Христовой Церкви и Новый год. Поздравляю вас и милых детей ваших; желаю вам и им всех истинных благ на земле и на небе. Во время пребывания вашего в Петербурге, когда я принят был под благословенный кров ваш, дети ваши были так малы, что, конечно, или совсем меня не помнят, или помнят очень мало; но я живо сохраняю их в памяти; в ней нарисовались их милые образы чертами, которых время не могло изгладить. Чувство любви к их родителю естественно объемлет и чад его.

Будьте здоровы, дражайший Стефан Дмитриевич! Мир Божий, превысший разумения человеческого, поглощающий в себя всякое разумение, даруемый Евангелием, даруемый Христом, изливающийся обильно из язв Его в сердца верующих и терпящих здесь, на земле, скорби, *да водворяется в вас богато* и да исполняет вас сладостным, благодатным утешением, – веселием небожителей!

От души и сердца вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь.

1-го декабря 1845 года.

Какой сладостный, духовный, высокий плод пожинают погружающиеся умом и сердцем в Слово Божие, поверяющие по глаголам сей Небесной премудрости опыты своего земного странствования! Таковые достигают того, чего желал от верующих во Христа Христов апостол, когда он писал им: *Молю вы, братие, да будете утверждены в том же разумении и в той же мысли*. Событие сих слов я ощущал в себе, почтеннейший и дражайший Стефан Дмитриевич, читая ваши строки, которые изливало сердце, пронзенное многими язвами и нашедшее отраду в язвах Иисуса, прозревшее яснее на будущность, видящее яснее Промысл Божий, истинное назначение человека, ничтожность и быстрое исчезание всего временного и суетного. Читая ваши строки, я как будто размышлял сам с собою; в ответ я мог бы послать к вам письмо ваше, усвоив его

себе и подписав под ним мое имя. Давно не видимся друг с другом, не беседуем лицом к лицу, пишем друг к другу не часто, а сближаемся более и более! Вот плод учения Христова!

Письмо ваше сказало мне, что вы часто прибегаете к Слову Божию и к молитве, просвещающим человека. По мыслям, рождающимся в душе, можно узнавать, какие впечатления на нее действуют! Принимайте слова мои с простотою сердца, потому что и я говорю от искренности сердца. В словах моих нет ничего лестного; лстящие лстят для того, чтоб уловить, посмеяться, повредить. Нет! Не имею этой цели! Говорю для истины и любви. Язык их, конечно, вы можете отличить от языка, которым говорит лживое человекоугодие. Ваше размышление о простосердечии и лукавстве, извлеченное из опытов жизни христианской и внимательной, так мне понравилось, что я благословил искренним ученикам моим списать письмо ваше в их письменные книги, в которые вносится особенно примечательное современное с целью душевной пользы. Какое условие **христианской простоты**? Последование закону Божию. Добродетельный и благонамеренный не нуждается представляться таковым; напротив того, кто любит грех, чья воля в грехе, тому нужна личина. Вера рождает простоту. Верующий идет путем жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: *ходяй просто, ходить надеясь*. Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит от ухищрений разума его, все благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом. Чем более будем углубляться в Слово Божие, чем более будем возрастать возрастом духовным, тем более будем убеждаться, что приблизиться к Богу не возможно иначе, как простотою, в которой и вера, и чистота совести, и образ мыслей, созданные заповедями вышнего. Одни простосердечные способны преуспевать духовно, как говорит Писание: *в душу злохудожну не внидет Премудрость*. Простосердечные подвергаются страданиям, но не без причин. Небесный Вертоградарь отребляет лозы Свои: Он видит способность их к плодоносию. Ветвь бесплодная не привлекает к себе Его внимания и забот до тех пор, как придет время ее отрезать и выкинуть из вертограда; тогда подбирают ее нищие земли для топлива своего. Под именем нищих разумею здесь лишенных всякого блага бесов, заботящихся, чтоб их вечная пещь горела жарче.

Знаменательны приведенные вами слова: *еже твориши, сотвори скоро!* Такой же обширный смысл имеет и молчание Христово пред судьями, судившими для того, чтоб обвинить, чтоб найти какой-либо предлог, имеющий вид обвинения праведного, для исполнения замысла,

замышляемого в сердце преступном и злобном. Посреди сего божественного молчания возгремели в наставление наше слова Спасителя к Пилату, слова тихие по наружности, но страшные как гром и молния по смыслу: *Не имаша власти ни единыя на Мене, аще не бы ти дано свыше!* Какое глубокое и обширное наставление для **страждущих о Христе**, научающее их смотреть на своих Пилатов, как бы на бездушное оружие Промысла, подающего возлюбленному своему чашу Христову, залог блаженства вечного со Христом. Здесь уже совершается отделение пшеницы от плевелов и производится Божий суд над ними. Последователь Христов страдает в великодушном молчании, познавая крестом Христа; а Пилат с холодностию и мимоходом вопрошает о Истине; не думает и не желает знать о ней, потому что не хочет даже выслушать, дожидаться ответа; между тем Истина Христова ему предстоит в смирении и высоким молчанием о себе рассказывает. *Удивися разум твой от Мене*, молитвенно взывал к Богу святой Давид; удивится Евангелию и его глубокому учению, учению Божественному, христианин, читающий его с верою и чистотою совести, при озарении свыше: живые жизнью, заимствованною от ветхого Адама по закону чадородия, находятся в состоянии падения; это состояние свое доказывают непрерывным самообольщением, почитая землю, место своего изгнания, местом наслаждений бесконечных. Новый Адам, Христос – крестом спасает падших: умерщвляется жизнь падения отъятием наслаждений земных, а из недр сей смерти возникает **жизнь во Христе**, находящая наслаждение в лишениях. Отсюда преселяется человек мыслями, желаниями, надеждами на небо и ожидает с извещенною верою обетования свыше, обновления Духом. Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и вам и себе; почему произношу вместе с вами сию исполненную духовного разума, утешительную молитву: Господи! совершай над нами волю Твою, и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единого у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления.

Изливая душу вашу, вы забыли сказать мне о вашем теле, о здоровье вашего милого семейства. Господь, врачующий душу вашу, и сие да приложит вам! Благодарю вас за присланную повесть о заботах ваших, о служении меньшей братии Христовой. Скоро ли исполню обет свой и отплачу вам чем-либо подобным! Здоровье мое слабее и слабее, а с этим вместе и здешний мир начинает казаться чужим. Не мудрено, когда пред глазами переселение!

Ваш преданнейший Игнатий.

19-го декабря 1845 года.

Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное. Сие слово Божие совершается над вами, достопочтеннейший и дражайший душе моей Стефан Дмитриевич. Известил меня Иван Иоакимович Мальцов о новом виде болезни, болезни тяжкой, в вас открывшейся. Да дарует вам Бог перенести страдания с сохранением сил душевных и телесных и получить облегчение. По тернистому пути ведет вас рука Промысла! Но такова судьба возлюбленных Богом: едва нарекается Павел избранным сосудом, как уже вместе с сим и предназначается ему множество страданий. **Крест** – это знамя стада Христова, это знамение овцы Христовой. Да ниспошлет Господь в минуты тяжкой скорби вашей благую мысль благодарения Богу, славословия и благословения десницы Его. От благодарения и славословия рождается живая вера; от живой веры – тихое, но могущественное терпение о Христе. А где ощутится Христос, там и утешение! Это утешение не от мира сего, который иначе не может утешать в скорби, как отъятием скорби. Христос действует иначе: Он не снимает тернового венка с возлюбленного Своего, потому что так венчаются в цари небесного Царства, но посылает в душу благодатную сладость, залог предвкушения вечного блаженства, – и пред лицом сей сладости исчезают временные скорби, – по крайней мере много притупляется острие их.

Вручая вас Господу, остаюсь навсегда вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.

1846 года, Генваря 19-го дня

Наконец имею сведения о вас, дражайший душе моей Стефан Дмитриевич, от человека, лично видевшего вас, от человека, облеченного в иноческий образ; это сведение тем особенно для меня драгоценно, что взоры внимательных иноков глубже проникают в душу, посещаемую посещением Господним. Он понял, что Господь, посещая вас скорбями, вместе дарует и пособие к перенесению их, как говорит преподобный Исаак Сирский: «Отец наш щедрый, когда возблаговолит даровать истинным сынам Своим исшествие из искушений их, то не отъемлет от них искушений их, но подает им терпение в искушениях их, и они приемлют все блага к совершенству душ своих рукою терпения». Отверзаются пред умом двери таинственного созерцания христианского: он зрит распятого за грехи мира Христа, призывающего к Себе овец Своих и говорящего: *иже не возмет креста своего и в след Мене грядет,*

несть Мене достоин. Он зрит членов торжествующей Церкви и слышит о них от сказателя Небесных Тайн: *Сии суть иже приидоша от скорби великая и испраша ризы своя в крови Агнца. Сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и ночь в церкви Его и седяи на престоле вселится в них. Не взалчут к тому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной. Яко Агнец, иже посреде престола, упасет я и наставит их на животныя источники вод, и отъемлет Бог всяку слезу от очию их (Откр. 7:14–17)*. Сей же тайнозритель возвещает, кто из членов воинствующей Церкви поступит в члены торжествующей, которым не дано еще полного блаженства, которым речено бысть да почуют еще мало время, дондеже скончуются и клеветы их и братия их, имущии избие ни быти, якоже и они (Откр. 6.11). Итак, **страдания** суть земное достояние и избранных, и приготавливаемых быть избранными. Страдания суть чаша Христова. Чашу спасения прииму и имя Господне призову: *яко по множеству болезней моих утешения Твоя возвеселиша сердце Мое. Вкусите и видите, яко благ Господь* и в то самое время, когда посылает нам скорби, которыми соделывает нас причастниками чаши Христовой от ныне и до века.

Случается и здесь видеть **скорбящих** – и только **ищущие утешения** в вере обретают его. Недавно случилось видеть в скорби одного умного и ученого мужа, много занимавшегося философией изобретенною падшим и омраченным от падения умом человеческим. Каким же оказался философ пред лицом скорби? Слабым, изнемогающим, ненавидящим Промысла Божия, не ведающим креста Христова, ищущим на земле правды человеческой и не могущим найти правды Христовой в смирении и терпении. Поучительное зрелище, на которое нам дозволено смотреть не с тем, чтобы осуждать ближнего, но чтоб видеть нашу мертвость, когда бываем без Христа.

И при самой болезни, при которой обыкновенно меньше помнится вещественное, Вы позаботились прислать мне прекрасного чаю, чтоб вспоминал я вас не только при духовных упражнениях, но и за чашкою чая! Благодарю вас: всякий знак любви вашей приносит душе моей наслаждение.

И я продолжаю прихварывать: мои болезни сопряжены не столько с тяжкими болями, сколько с изнеможением и лихорадкою; в течение нынешней зимы почти не выхожу из своих комнат, а с половины генваря доселе – решительно не выхожу. Буди воля Божия! Скудельные сосуды могут ли рассуждать, что для них нужно и полезно?

Милосердый Господь, попустивший вам тяжкое испытание и дарующий вам прохладу на источниках веры святой и смиренномудрой, да дарует вам и скорое исшествие из скорби, да имуще всякое довольство здоровья, преизобилуете во всякое благое дело о Господе.

С неизменяющимися чувствами сердечной, искреннейшей преданности остаюсь навсегда ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь.

Марта 19-го дня 1846 года.

О Господе дражайший сердцу моему Стефан Дмитриевич!

Возблагодарив Бога, должен я сказать вам прямо и просто: к вам особенная милость Божия; Бог избирает вас и приближает к Себе. **Ощущение странничества** не есть фантазия, не есть следствие размышлений, не есть умствование, это невольное чувство сердца, движущееся само по себе, независимо от нашего произволения. Это голос благодати, сообщенной нам святым Крещением. Когда тело утончилось болезнью, а душа несколько очистилась, сей голос таинственный, но сильный, раздался. Как инструмент обыкновенно устраивается из сухого, утонченного дерева, без чего натянутые на нем струны не могут издавать должных звуков; так необходимо утончать и иссушать тело воздержанием, а душу очищать непрестанным покаянием. Чтоб в нашем Богозданном храме могли слышаться вещания Духа. Вы можете видеть, что ощущение ваше мне знакомо. Что я говорю о нем, как о своем. Я верю, что расположение ваше ко мне возрастает; и еще более будет возрастать оно, если мы будем направлять стопы наши к Богу. **Любовь** естественная скоро может насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестает любить, может удобно перейти к ненависти: ибо и излишняя пища может произвести дурноту и обремененный желудок нередко извергает ее. Но любовь, которой началом Бог, не имеет ни насыщения, ни конца: потому что ее питает бесконечный Бог. – Когда я прочитал письмо ваше и увидел, что в вас начались движения будущего века, которых мир сей ни вместить ни понять не может, то явилась во мне мысль, что для вас нужно будет, со временем, **уединение**, как способствующее к развитию ощущений и помышлений духовных. Предуготовительным занятием к уединению должно быть святое **покаяние**, исцеляющее душевные очи. Это тот целительный для очей коллурий, который велит купить у себя Господь: ибо и нищета духа есть дух Божий, приобретаемый человеком

чрез сличенье своего сердца с Евангелием. Сей поллурий отгоняет от очей души, которые есть ум наш, счищает с них всякую надменность, всякое о себе высокое понятие, всякое признание в себе какой-либо добродетели. Скажите, пожалуйста, в какой одежде всего приличнее стоять пред Создателем человеку, сему существу падшему? Думаю, что тот одевается прилично, кто в молитвах своих весь одет в покаянье. Сего сердечно желаю вам, как желаю и себе; потом желаю приготовления к вечности уединением. Сии желания да видит Бог и да творит с нами не по желаниям нашим, но по Своей святой воле. О Господе вам преданнейший недостойный

Архимандрит Игнатий.

Октября 27-го дня 1846 года.

Примите, бесценнейший Стефан Дмитриевич, мое усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю вам и с чадами вашими препроводить в вожделенном здравии и совершенном благополучии. – Благодарю вас за дружеское письмо ваше и за приложенный при нем отчет трудов ваших, полезных человечеству, угодных Богу. Сердечно сожалею, что в бытность мою в Москве видел вас только в зеркале – в дочерях ваших. Поправилось ли ваше здоровье от путешествия в чужие края? А я лечусь и до сих пор от застарелой простуды с медленным, но уже значительным успехом. Все иностранные лекарства или вовсе не помогли, или помогли очень недостаточно; с отличною пользою подействовали самые простые средства: ванна с солью и натирание чистым дегтем. Теперь на опыте знаю, что пред отечественным деготьком ничего не значат заморские оподелькоки – не только какая-нибудь летучая мазь. Второй год продолжается мое лечение – и сознаюсь, что **состояние лечащегося** от хронической болезни труднее, нежели состояние болящего: отнимает все время, действие лекарств поставляет тело в ненатуральное положение, отнимает способности телесные и душевные, отнимает возможность умственных занятий, держит в состоянии непрерывающейся усталости, какого-то онемения и усыпления. Человек – яко трава! Взойдет в его тело какая-нибудь посторонняя влага, займет место на путях крови, расстроит ее обращение – и весь человек изменился не только по телу, но и по душе, по уму! «Во обилии моем не подвижуся во век». Этими словами Пророк изобразил крепость человека, силу его при здравии тела, при здравии души, поучающейся день и ночь в законе Божиим. «Отвратил еси лице твое, и бых смущен». Эти слова вскоре последуют за вышеприведенными –

и как справедливы! Не говоря уже о душевных искушениях, одно оскудение сил телесных есть искушение, и при изнеможении тела невольно изнемогает душа. Вот, бесценнейший Стефан Дмитриевич, подробное описание собственного моего состояния; внешние же обстоятельства остаются такими, какими были и прежде: приятное сменяется скорбным, скорбное сменяется опять приятным. Да дарует милосердый Бог рабу Своему встретить то и другое с одинаковым чувством недоверчивости и холодности. Земные печаль и радость приводят только в суетное движение кровь: Слово Божие может остановить это движение, сказав крови: «Не только плоть, но и кровь Царствия Божия не наследуют».

Призывающий на вас и на семейство ваше благословение Божие ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

Генварь 1848 года.

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Получил я пакет, который ежегодно однажды возбуждал во мне особенное чувство радости, отворяю его в ожидании, что нищенствующая душа моя напитается обильно словами любви, которыми всегда бывают полны письма ваши. Не случилось того! Я только увидел один отчет печатный; не было ни одной вожденной для меня строчки. Видно, подумал я, Стефан Дмитриевич, при множестве дел своих, забыл вложить в пакет драгоценное письмо. Поэтому от вас ничего не знаю о вас.

Примите мое усерднейшее поздравление с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Благословение Божие да осенит вас и чад ваших, и благодать Божия да хранит души и тела ваши. О себе скажу вам, что, по великой милости Божией, чувствую себя лучше и лучше: начинаю уже укрепляться и вижу в себе восстановление способностей к деятельности. Новый митрополит¹⁸ добр и правосуден, ко мне довольно милостив; почему я ныне отдыхаю. Позвольте представить вам при сем скудный отчет из нищенствующей души моей, мало собравшей духовной милостыни на пути и на торжище земной жизни.

Многие скорбящие желали иметь у себя список «Чаши Христовой»¹⁹, чтоб из этого чтения почерпать утешение для душ своих, это заставило меня напечатать «Чашу», вообще издавать печатно свое я опасюсь, видя свою духовную незрелость.

С чувствами не изменяющейся преданности и совершенного почтения имею честь быть вашего Превосходительства покорнейшим

слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь.

Декабря 22-го дня 1849 года.

Всегдашняя душевная настроенность, искавшая подвига, и постоянное болезненное состояние держали мысль архимандрита Игнатие «на пороге вечности» и побуждали его искать уединения, бежать от хлопотливой жизни настоятеля многолюдного монастыря, расположенного к тому же так близко от столицы с ее многообразною суетой, отзвуки которой не могли не проникать во всяком случае и за монастырские стены. Всю зиму 1846 года архимандрит Игнатий проболел. Весною 1847 года он просил увольнения на покой, но получил только отпуск на одиннадцать месяцев для восстановления здоровья. Проведши все это время в Николо-Бабаевском монастыре, костромской епархии, Игнатий в 1848 году вернулся в Сергиеву пустынь. 27 октября 1857 года он был посвящен во епископа Кавказского и Черноморского. В своей речи при наречении во епископа Игнатий говорил: «В дни юности моей я стремился в глубокие пустыни. *Се удалихся бегая и водворихся в пустыни; чаях Бога, спасающего мя от малодушия*, которым обличается в человеке недостаток благодатного развития, и *от бури* страстей, воздвигаемой обманчивыми и скорогибнущими прелестями мира. Монашество нравилось и нравится мне само по себе! Но я вовсе не мыслил о служении Церкви в каком бы то ни было сане священства... Не долго пользовался я свободою юности: скоро был опоясан и окован непостижимым Божественным Промыслом. Всемогущая десница Его, в противоположность предположению моему, внезапно восхитила меня из глуши лесов и пустынь и поставила в обитель преподобного Сергия, на берег моря житейского, великого и пространного...»

2 ноября в Сергиеву пустынь приезжала «проститься с епископом Игнатием» великая княгиня Мария Николаевна, 3-го он сам простился с пустынью и переехал в Лавру. В первые дни ноября епископ Игнатий откланивался у вдовствующей государыни в Царском Селе, от которой получил бриллиантовую с рубинами панагию, у великого князя Константина Николаевича, у великой княгини Александры Иосифовны и наконец у Их Величеств. 4 января 1858 года он прибыл к месту своего служения, в Ставрополь кавказский. 5 августа 1861 года, по прошению, уволен на покой в Николо-Бабаевский монастырь, где и скончался 30 апреля, в неделю Жен Мироносиц, перед началом поздней литургии. Погребение происходило 5 мая и было совершено

преосвященным Ионафаном, тогда епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии, а ныне высокопреосвященным архиепископом Ярославским, который сказал у гроба последнее прощальное слово в память почившего. После отпевания тело скончавшегося архиерея-аскета в открытом гробе было обнесено с крестным ходом, вокруг церкви св. Николая и внесено в больничную монастырскую церковь св. Иоанна Златоустого и преп. Сергия Радонежского, где гроб и опущен был в склеп за левым клиросом²⁰.

По отзыву очевидцев, отпевание почившего епископа-подвижника производило скорее впечатление церковного торжества, нежели печального обряда. Сердца верующих, присутствовавших на погребении, были исполнены упования, что усопшему владыке «уготовано» место у светлого престола Владыки всяческих. «Блаженни, их же избрал и приял еси, Господи!»

Примечания

¹ - Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Том первый. Издание второе. СПб. 1886. С. 553–554.

² - «Сочинения», т. I, 3–44 «Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году».

³ - В.Ф. Ян – коллежский ассесор, архивариус Комиссии духовных училищ, назначенный 15 февраля 1836 года смотрителем с.-петербургской синодальной типографии. – Архив канц. об.-прок. св. син., дело № 6094. – В начале 1836 года он хлопотали о разрешении ему издавать «Житницу духовную, или плоды креста», которая предположена была в составе из 30 томов избранных статей из «Христианского Чтения». – «Собр. мн. и отв. м. Филарета», т. II, стр. 374–375.

⁴ - Представляя государю императору в марте 1835 года экземпляр «Христианского чтения», С.Д. Нечаев в то же время имел счастье довести до Высочайшего Его Величества сведения, что Св. Синод имеет предположение издавать в пользу простолюдинов, между коими грамотность год от году умножается, отдельные жития святых, заимствуя их из Минеи-Четьи, так как для этих людей такие повествования и любимее, и понятнее, и полезнее всякого другого рода сочинений. Государь призвал эту мысль полезною. Св. Синод возложил составление житий на архимандрита Игнатия. Житие св. Владимира было первым опытом архимандрита Игнатия.

⁵ - Архив Св. Синода, дело 1836 г., № 692.

⁶ - Александр Скарлатович Стурдза, тайный советник, скончался 13 июня 1854 г. Автор книги «О должностях священного сана» и других духовных книг.

⁷ - Брошюра была издана в пользу комитета о просящих милостыни.

⁸ - Составленное А.С. Стурдзою.

⁹ - С.Д. Нечаев был женат на Софье Сергеевне Мальцовой.

¹⁰ - О просящих милостыни, в Москве.

¹¹ - Г.Р. Державин в честь Т.В. Юсуповой написал следующее стихотворение в 1807 году: К матери, которая сама воспитывает детей своих
Иных веселье убегает,
С тобой оно живет всегда:
Где разум с красотой блистает,
Там не скучают никогда.
Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людских;
Обняв науки и искусства,
Воспитываешь чад своих.
В таком уединеньи скромном
Ты так добротами блестишь,
Как ангел в храме

благовонном, Всем обожать себя велишь. «Сочинения Державина», т. II, Спб. 1865. Стр. 619.

¹² - У С.Д. Нечаева в Данковском уезде Рязанской губернии было имение – Сторожевая Слобода или Сторожево.

¹³ - Митрополита Филарета (Амфитеатрова).

¹⁴ - Митрополиту Филарету (Дроздову).

¹⁵ - Изданные в пользу комитета о просящих милостыни.

¹⁶ - Валленштрема. О нем ниже.

¹⁷ - Кикилия, в мире Марфа Попова.

¹⁸ - Высокопреосвященный Никанор.

¹⁹ - Сочинение архимандрита Игнатия «Аскетические опыты. Том 1. Чаша Христова».

²⁰ - «Сочинения», т. I, стр. 79–80, жизнеописание.

Содержание

С. Г. Рункевич Письма аскета Стефан Григорьевич	1
Рункевич	
Примечания	38